

ЧЕТ-НЕЧЕТ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И РЕФОРМИЗМА В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1950–1980-х гг.

Н.В. Стариков

Южный федеральный университет

Аннотация: *Анализируется проблема совместимости реформистской и традиционалистской ориентаций в осуществлении сложных форм политической деятельности. Дихотомическая асимметрия политико-идеологических процессов показана как функциональная особенность и специфика советской власти, свойство партийно-государственной системы. Предложен метод выявления функциональных различий по типам восприятия, мышления, политического поведения, реагирования, отношения к историческому прошлому. Выраженность асимметрии связывается с латерализацией функций Кремля, их перераспределением между адептами сталинского режима и сторонниками обновления системы, а также с уровнями адаптации.*

Ключевые слова: *СССР, политическая культура, знаковые системы, политическая власть, консерватизм, традиция, политическое сознание, политическая ориентация, восприятие, ценности.*

Различие большевистского и меньшевистского, «истинно пролетарского» и «оппортунистического», «левого» и правого» изначально входило в систему противоположностей, определявших строение советской политики. Двоичная противоположность чета и нечета, определяющая природу советского мира, проявлялась в языке, ритуалах, других системах знаков. Она сохраняет значение для исследования политической культуры 1950–1980-х гг. в разрезе соотношения традиционализма и реформизма.

Двойственность Кремля — формально единого партийно-государственного центра, но разделённого на приверженцев старого и нового, обновления и традиции — основание для рассмотрения традиционализма и реформизма в СССР как двоичных кодов советской политической культуры, их сохранения в политических и культурных практиках.

Партия — управляющий орган, мозг советской системы выражала единство и противоположность двух начал, обладающих неодинаковыми способностями и обязанностями. Традиционализм и реформизм по-разному воспринимали окружающий мир, представляли время, различной была их роль в кризисных ситуациях и адаптационных процессах.

Знак тождества между патологией официальной идеологии и патологиями советского общества, установленный в историографии конца 1980-х – начала 1990-х гг., указывал на единую традиционалистско-коммунистическую линию, окрашенную модернизационными всплесками. Представление об изначальной конкуренции в советских «верхах» полярных партийно-государственных сил: демократической (Бухарин, Раскольников, Сырцов, Вознесенский, Косыгин и др.) и консервативной (Деборин, Митин, Суслов, Лигачев и др.) соответствовало общей методологической установке тех лет, имея в виду описание политических процессов в бинарных противопоставлениях: реформы/контрреформы, либерализм/консерватизм. Спустя два десятилетия по мере отработанности источников выявилась исчерпанность подхода. Однако осталась проблема природы власти, двоичности кодов советской системы и ее политической культуры.

При реализации любой функции Кремль работал как парный орган: в осуществлении любой функции были задействованы обе ориентации — реформаторская и традиционалистская, каждая выполняла свою роль. Однако использовались только присущие этим ориентациям стратегии: каждая ориентация вносила свой вклад, играла собственную роль в реализации политических функций. Анализ практически любого политического процесса позволяет выделить компоненты, обеспечиваемые структурами соответственно реформаторской и традиционалистской ориентаций.

Одним из ключевых остаётся вопрос о совместимости реформистской и традиционалистской ориентаций в осуществлении сложных форм политической деятельности. Традиционализм и реформизм — не изолированные направления или состояния политического сознания. Их рассогласованность не может считаться признаком деструкции. Напротив, такая рассогласованность — свидетельство органичности советской системы. В известных пределах существовала взаимозаменяемость традиционализма и реформизма.

Многочисленные документальные сборники, мемуары, материалы пленумов, протокольные записи заседаний Президиума и Политбюро ЦК — свидетельства разнообразия мнений и позиций «верхов». Одновременно это ориентир в выявлении глубины дифференциации.

В связи с тем, что одна из ориентаций играла ведущую, а другая подсобную роль, характер участия реформизма и традиционализма в политико-идеологических функциях оказывался глубоко различным.

Так, оценки и проекты реформаторов, необходимо окрашенные в идеологические тона, не являлись выражением доминантных идеологических функций партии, представляя собой субдоминантный спектр политических представлений. В тоже время традиционализм, подерживая сакральность, в отношении реформаторства представлялся оппозирующей стороной инноваций. Из этого следует органичность советской политико-государственной асимметрии.

Фундаментальная закономерность организации советской власти, политико-государственной асимметрия имела множество проявлений, главная из которых — асимметрия реформационно-обновленческих и консервативно-традиционалистских процессов.

Асимметрия имела видовые характеристики (идеологическая, политическая), типологические особенности (асимметрия номенклатуры, ЦК КПСС, политбюро) проявлялась в различных формах, включая несоразмерность элементов системы «партия-советы», изломы политико-идеологических конструкций, мифы и контр-мифы власти и др.

Характерная особенность — парциальный характер асимметрии: в каждом послевоенном десятилетии традиционалистская и реформаторская части принимали различное по характеру и неравное по значимости участие в осуществлении политико-идеологических функций.

Асимметрия представлений и действий традиционализма и реформизма, с одной стороны, расширяла возможности КПСС, делала ее более адаптивной. С другой стороны, разнообразие граней асимметрии — показатель неоднозначности: какими-то свойствами обладал только традиционализм, другими — обе ориентации, но в разной степени.

Асимметрия как свойство партийно-государственной системы связана со стратегией советского пути, выбором концепции общественного прогресса, направленного на поддержание СССР в качестве центра мирового социально-экономического прогресса. Этой стратегии соответствовала тактика активации зрелых покоящихся ресурсов при реакции на чужеродные угрозы и действия. Соотношение хода внутрисистемного ответа и возможностей его коррекции с фазами активного роста ресурсов показывает асимметричность стратегического курса 1950–1980-х гг.

Исследование этих связей применительно к ключевым сферам политики, представленные в литературе, показывает противоречивость приспособительных функций советской системы к вызовам второй половины XX века, двойственное влияние импульсов обновления и традиции на характер протекания социально-политических и экономических процессов от смерти Сталина до распада СССР.

Можно сказать, что дихотомическая асимметрия политико-идеологических процессов являла функциональную особенность и специфику советской власти: при осуществлении одних властных функций ведущим являлось реформаторское крыло, других — традиционалистски-ориентированная часть кремлёвских «верхов».

Анализ функциональной совместимости — суть выявление свойств асимметрии как фундаментальной закономерности организации власти, политики и всей советской системы.

Неоднозначным остаётся вопрос, какой подход необходим для выделения значений интерпретирующих областей в каждой из этих политико-идеологических ориентаций, включая функции этих областей? Так, возможны обоснованные аналогии между функциями не по отношению к простейшим элементам системы (парторганизации, колхозы, фабрики, воинские части и т. д.), а применительно ко всей системе в целом и ее организации.

Развитие СССР в послевоенные десятилетия осуществлялось в направлении дифференциации и специализации его элементов с их последующей функциональной интеграцией. Естественно, что в различных подсистемах СССР характер функциональной асимметрии был различным.

Закономерности взаимодействия традиционализма и реформизма (и асимметрии как его частного случая) относятся к фундаментальным основам работы ЦК КПСС и правительства как парного органа. Из этого следует, что в процессе развития СССР выраженность традиционалистско-реформаторской асимметрии менялась — происходила латерализация функций Кремля, то есть перераспределение функций между сторонниками сохранения черт сталинского режима и сторонниками обновления советской системы.

Двойственная организация социально-экономических и политических процессов носила динамический характер: роль каждой ориентации могла изменяться в зависимости от задач деятельности, структуры ее организации, приоритетов социализма 1950–1980-х гг., гомогенности государства. Проблема в том, как связана асимметрия представлений основных политико-идеологических ориентаций с процессами адаптации, познанием внутренних и внешних реальностей, как влияла деструкция отдельных структур и всей системы власти после Сталина на протекание этих процессов.

Пока не был достигнут «критический» возраст советской системы, обе функциональные части были способны обеспечивать устойчивое развитие. Дисфункция реформизма второй половины 1980-х гг., нарушив баланс, ускорила фрагментацию правящей партии и распад страны. Данный процесс получил разноречивую оценку в литературе. Одни авторы полагают,

что традиционалистско-реформаторская асимметрия внесла существенный вклад в преодоление догматизма, формирование моделей адаптации, приспособления СССР к вызовам времени. Её возникновение и развитие — следствие естественного отбора в КПСС. Отсюда — внимание к функциональной адаптации [Пыжиков 2003: 62], в то время как традиционалистские проекты и персоналии становятся предметом исследования лишь в самое последнее время [Митрохин 2003; Поляков 1999: 154].

Другие авторы акцентируют внимание на традиционализме как доминантном направлении. В рамках этого подхода хрущевский и горбачевский реформизм считается первоосновой разрушения советской традиции и самого Советского Союза.

В последние годы функциональная асимметрия все больше обсуждается в связи с проблемами политического сознания, особенностями политической социализации, разработкой темы советского человека.

Наличие несовпадающих представлений в отношении реформаторских и традиционалистских дихотомий 1950–1980-х гг. свидетельствует, очевидно, о специфической организации традиционалистского и реформаторского течений относительно их функций. Проявление той или иной функции в условиях отсутствия политических кризисов отражало не только специфику участия каждого из течений в политике, но связано с их интегративной деятельностью. Оно является результатом взаимного дополнения традиционализма и реформизма, выполняющих неравнозначную роль на стадиях осмысления и форматирования перемен в Советском Союзе. Можно предположить, что асимметрия функций усиливалась в процессе политического обучения на изломах кризисов 1950–1980-х гг.

Анализ функциональных различий по типам политического восприятия, мышления, типам политического поведения, реагирования, отношения к историческому прошлому позволяет, на наш взгляд, уточнить представления о функциональной асимметрии традиционализма и реформизма.

Прежде всего асимметрия может быть представлена в виде латерализации способа обработки информации. В этом плане встает вопрос: какие конкретные и абстрактные аспекты политического восприятия латерализованы соответственно в традиционалистской и реформистской ориентациях?

Известно, что восприятие политики и, в частности, политической информации зависит от установок и стереотипов политического сознания, самосознания и политической культуры. Установка как предготовность реагировать тем или иным способом на политические события выявляла внутреннее качество субъектов советской политики 1950–1980-х гг., природа которых коренилась в предшествующем опыте и большевистской политической культуре. Их интегративная характеристика — стереотипизация.

Так, применительно к Западу характерны триумфаторские, уничижительные и конфронтационные стереотипы. Различные по функциональной направленности, они активно формировали образ «врага», утверждали тип политической культуры, в которой упрощения, абстрактность лозунгов, схематизм, нетерпимость к «чужому» переплетались с жертвенностью во имя принципов, уверенностью в собственном превосходстве и процветании¹. Стереотипизация в ее многообразных выражениях охватывала идеологию, пропаганду, официальный слой науки, проникала в сферу обыденного сознания, встречая там, однако, противодействие в песнях, анекдотах, статьях, книгах.

Стандартизация ценностных ориентаций закрепляла стереотипы монолитности и единства. Отсюда — эмоционально окрашенные, устойчивые образы «своего» и «чужого».

¹ В другой группе — изоляционистские стереотипы, которые в отличие от активистских, направляли борьбу с «тлетворным влиянием Запада», выступали буфером преодоления несовместимой идеологии, в то время как активистские, как правило, воплощали мессионистские идеалы.

Вместе с тем поле восприятия реформаторов и традиционалистов отличалось мерой «расплывчатости». Чем большей была эта мера, тем сильнее проявлялась приверженность влиянию эмоций. Отсюда «кузькина мать» (Kuzka's mother) Хрущева, или «нам подбрасывают» Горбачева.

Отражение политической реальности как вида деятельности (функция политического мышления) представляло реальность в виде суждений, выводов, решений, умозаключений. С одной стороны, содержание политического мышления советских «верхов» 1950–1980-х гг. определялось не столько логическими механизмами, сколько установками, целями и ценностями. С другой стороны, политическое мышление вместе с знаковыми моделями оперировало перцептивными категориями (образами, мифами, верованиями).

Можно предположить, что с реформизмом более связаны интуитивное, образное и аналоговое формы политического мышления. В этом смысле реформизм создавал специфический пространственно-образный контекст, важный для политического творчества. Традиционализм скорее являл пространство аксиоматического мышления, освобождения себя от обязанности постоянно давать публичные ответы на острые вопросы, выявлять реальные причины без ссылок на авторитеты. Такое мышление давало возможность продуцировать фиксированные оценки, однозначно сформулированные схемы.

Традиционалистский ракурс оставался ведущим для взаимодействия с опытом и актуально протекающими событиями, включая оценки состояния и перспектив советского блока, противостояния Западу, сохранения в чистоте «ленинских заветов». Критичность оценок, ассоциативность соотносились с цельным воспроизводством действительности.

В спорах с реформаторами у традиционалистов чаще проявлялись ситуационное мышление. Можно в этом плане указать на политический стиль сталинских адептов начала 1950-х гг., политико-психологические характеристики времени «антипартийной группы» 1957 года, или на политические акции сторонников «фундаментального большевизма» конца 1980-х – начала 1990-х гг. (Н.А. Андреева, И.К. Полозков, Р.И. Косолапов и др.) [Каганович 2003; Андреева 1988; Косолапов 2009].

Традиционалистское восприятие более чувственно к интонации, метафорическому смыслу, образности речи, оно почти не понимало глаголов, абстрактных терминов, не способно на ложные высказывания, хотя по-своему и понимало юмор. Интересные замечания по этому поводу представила Н.Б. Лебина, сравнивая «Толковый словарь языка Совдепии» и словарь-справочник «Новые слова и значения». Ссылаясь на мнение Вильгельма фон Гумбольдта, она пишет: «глагол... резко отличается от имени существительного и других частей речи, которые могут встречаться в простом предложении... Все остальные слова предложения подобны мёртвому материалу, ждущему своего соединения, и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь». Создатели «Толкового словаря языка Совдепии» сочли возможным и необходимым включить в его состав всего лишь 57 глаголов, из них к хрущевскому времени относятся 5 («глушить», «загнивать», «прописать» (?), «разложиться», «репрессировать»). Иное дело — «Словарь-справочник», который включает 3500 слов, из них 135 глаголов, причём в большинстве своем — это новые глаголы, что свидетельствует о динамизме языка хрущевского времени. Лишь 18 глаголов, в числе которых «выбить», «дать (на лапу)», «загорать», «капать», «спустить» и др., обрели иной смысл в изменившихся социокультурных условиях» [Лебина 2011: 20].

Что касается реформистской ориентации, то она скорее соотносена с геометрическим восприятием мира, одномоментной (холистической) обработкой информации, что обеспечивало образный охват ситуации, формируя полный образ из фрагментов. С этим, возможно, связана специфика пространственной геополитической картины, представленная в различных официальных текстах.

Наследники Сталина, казалось, были обречены на «новое» политическое мышление, которое по определению направлено на преодоление инерции, предполагает гибкость, инициативность, творчество. Их «новое» мышление должно было опираться на политико-психологические характеристики, проявляющиеся в принципиально иных, чем прежде способах принятия политических решений и их практической реализации. Однако «новизна» на деле сочеталась с инерцией, нежеланием менять систему взглядов и оценок, изменить направленность и характер действий, отказаться от привычного механизма принятия решений. Групповой конформизм, вера в полное «совершенство» своей веры — значимые характеристики традиционализма и реформизма 1950–1980-х гг. Партийный и личный опыт советских «верхов» мало учил тому, как подходить к системе и людям, сохраняя новизну взглядов, как уходить от прежних формул. С этим связана ещё одна функциональная особенность традиционализма и реформизма — единство в признании идей гармонии интересов партии и народа, бесконфликтности политической жизни, построения общенародного государства, устройства социально-однородного общества, ликвидации граней между классами, устранения различий между городом и деревней.

Дихотомической асимметрии соответствует распознавание «своих» и «чужих», узнавание и неузнавание. Recognition/misrecognition, connaissance /meconnaissance, — основные понятия теории идеологии Л. Альтюссера, по мнению которого функция идеологического узнавания есть «одна из двух функций идеологии как таковой (ее обратная сторона — это функция неузнавания)» [Althusser 1994: 129]. Идеология функционирует так, что среди индивидов она «рекрутирует» субъектов или «трансформирует» индивидов в субъекты. В этом плане традиционализм как доминантный спектр чётко «узнавал» лица врагов и друзей Советского Союза, твердо ориентировался в выявлении «левой» и «правой» части пространства, поддерживал конспиративистскую модель власти.

Модификационная адаптация 1950-х гг. вынужденно меняла многие структуры, объекты, включая формат Коминформа — детища Сталина и Жданова, а с ним и конспиративистскую ментальность — преграду переменам в социо-политической и идеологической сферах [Стариков 2014]. Субъектно-деятельностный подход к изучению политического менталитета позволяет выделять конспиративистскую ментальность как самостоятельный уровень субъектности. Бинарность конспиративистской ментальности² обусловлена тем, что ее неосознанные структуры — более устойчивые образования, менее подверженные изменениям. Осознанные структуры политического менталитета наоборот, более динамичны и склонны к диверсификации. Это можно подтвердить сравнением конспиративизма власти и мифо-символики советского Торжества, когда в идеологическом осмыслении, гражданском прочтении и общенародном восприятии «чужое» представлялось иначе, нежели в повседневной практике (800-летие Москвы, 70-летие Сталина и др.). В этом проявлялась амбивалентность образа внешнего врага: функциональный для укрепления внутренней интеграции, политической однородности и социетальной идентичности, он оказывался дисфункциональным для современности, требующей терпимости и культурного многообразия. С очевидностью это продемонстрировал Фестивалитет 1957 года. При этом традиционалистское конструирование образа Врага по-прежнему осуществлялось посредством формирования враждебных представлений об Они-группах и исходящих от них угроз, что связывалось с потребностями формирования внутригрупповой идентификации Мы-группы.

Когда говорят о политических координатах, не забывают о зрении. Анализ политического контекста «партийного зрения» [Орлова 2009: 35; Elden 2005] выявил жёсткость дихо-

² На это обращает внимание Р. Хофштадтер, который пишет: «мир конспиративиста радикально дуален и полон угроз; в нём проводится чёткая грань между силами добра и силами зла, причём последние одерживают верх» [Hofstadter 1965].

томии *слепоты-зрения* применительно к 1920–1930-х гг.: факт видения-не видения становился в то время политикой. Политическое зрение как визуальный протез власти в разных формах и воплощениях выявляло связь советского бытия с улучшением зрения. Отсюда метафора о советской власти, открывшей людям глаза на мир прошлого и настоящего. Характерно внимание реально слепым с признанием их права на работу (организация в 1925 году Всесоюзного общества слепых).

1950–1970-е годы отмечены охлаждением жажды «социальной зоркости», правильного «социального зрения» (распознавание носителей литературных номинаций). Менялись визуальные режимы и технологии, оперировавшие реальными образами. Увядала офтальмологическая терминология («Только слепые не видят...»), хотя ещё встречались упреки в политической близорукости.

Политико-идеологическим ориентациям соответствовали собственные принципы организации политического письма и речи. Вероятно, обе ориентации были равноценны по уровню мышления, но одно из них оставалось «говорящим», а второе — в некотором плане «немым». Реформизм — это дословно воспринимаемые обозначения, «слова-концепты», грамматическое оформление высказываний и характеристик свойств. Стоит вспомнить «прогрессивное человечество», «поджигателей войны» и т. п. Характерны высказывания Н.С. Хрущева, запечатленные в сборниках его выступлений по внешней политике: «Если взять фотографии Гитлера и Аденауэра, то это — люди, совершенно не похожие друг на друга. А если говорить о политике, которая проводится господином Аденауэром, то это — та же политика, с которой начинал Гитлер... Гитлер, раскрыв свою пасть, не смог проглотить то, что хотел, и подавался, Аденауэру только и остаётся, что облизываться, злобствовать» [Хрущев 1961: 163]. «Если американские генералы и адмиралы своими сумасбродными заявлениями хотят подействовать на Советское правительство, запугать нас, то, как говорится: поищите дураков в другой деревне, в нашей их нет, давно перевелись» [Хрущев 1960: 277]. «Империалисты зря тратятся. Какие бы подачки они не давали своему коню, он не может свернуть колесницу революции в сторону с пути, начертанного марксизмом-ленинизмом» [Хрущев 1959: 436].

Преобладание одной из двух ориентаций по ряду функций не абсолютно; в каждой ориентации заложены политические, лингвистические, пространственные и иные способности, однако весьма различается степень их выраженности. Так, лексикон традиционализма формировался не сразу и имел свои особенности: вероятно, он уступал реформаторскому, в нем имелись не только целостные образы, но и отдельные выражения, фразы. Это относится как к устной, так и к письменной речи. Традиционалисты хорошо понимали устные инструкции, проверенные слова. Они были способны накапливать опыт, вспоминать политические задания и тексты, которые «видели» или «ощущали» много лет назад...

Можно предположить, что способности к восприятию политической речи у традиционалистской ориентации ненамного меньше, чем у реформистской, но способности к устной речи были ограничены. «Немой» традиционализм обладал, скорее, большими способностями к письменной речи. По-разному проявлялся традиционализм и реформизм в анализе вербальной информации.

Андреева Н.А. 1988. Не могу поступиться принципами. — *Советская Россия*.

Каганович Л.М. 2003. Письма Л.М. Кагановича в Центральный комитет, Генеральным секретарям ЦК КПСС и в адрес съездов партии (1960–1986 годы). — *Памятные записки. Приложения*. — М.: Вагриус.

Косолапов Р.И. 2009. *Слово товарищу Сталину!* — М.: Алгоритм.

Лебина Н.Б. 2011. Лингвистические источники периода десталинизации в СССР (опыт сравнительного анализа «Толкового словаря языка Совдепии», словаря-справочника «Новые слова и значения» и «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства»). — *Новейшая история России*. — № 1.

Митрохин Н.А. 2003. *Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг.* — М.

Орлова Г.А. 2009. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху. — *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. — М.

Поляков Ю.А. 1999. Штрихи к портрету: воспоминания о П.Н. Поспелове. — *Отечественная история*. — № 5.

Пыжиков А.В. 2003. Управленческая реформа начала 1960-х гг. — *Вопросы экономики*. — № 9.

Стариков Н.В. 2014. Конспиративистская ментальность Коминформа: особенности политического менталитета «холодной войны». — *Гуманитарные и социальные науки*. — № 1.

Хрущев Н.С. 1959. *К победе в мирном соревновании с капитализмом*. — М.: Госполитиздат.

Хрущев Н.С. 1960. *Мир без оружия — мир без войн*. — М.: Госполитиздат.

Хрущев Н.С. 1961. *О внешней политике Советского Союза. 1960 год*. — Т. 2. (июнь-декабрь). — М.: Госполитиздат.

Althusser L. 1994. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an Investigation). — *Mapping Ideology*. — London: Verso.

Elden S. 2005. The Place of The Polis: Political Blindness in Judith Butler's Antigone's Claim. — *Project MUSE*. — Vol. 8. — Iss. 1.

Hofstadter R. 1965. *The Paranoid Style in American Politics and other Essays*. — New York.